

**Письмо** – процедура знаковой дифференциации, закрепляющей свои результаты в виде графических единиц, которые связаны определенными отношениями и могут быть изображены различными средствами и на различных носителях.

В классической лингвистике **П.** – семиотическая система, единицы которой суть графические объекты, призванные обозначать и фиксировать на неких материальных носителях единицы устной речи (естественного языка). Различают идеографическое (иероглифическое) и фонетическое **П.** Под идеографическим **П.** понимают такой вид **П.**, в котором одному простейшему графическому объекту (иероглифу или знаку, напр. «№», «%») соответствует сложный акустический (слово или словосочетание) или смысловой (значение слова или словосочетания) объект. Под фонетическим **П.** понимают такой вид **П.**, в котором графические объекты никогда не обозначают целостный акустический объект (слово), но только его части (слоги в случае «силлабического» **П.**, только согласные в случае «консонантного» и равно согласные и гласные в случае «алфавитного» или, по другому, «вокалического» **П.**). Т. о. под алфавитным (вокалическим) **П.** понимают такой вид фонетического **П.**, в котором каждому простейшему графическому элементу (гласная или согласная буква) соответствует один простейший акустический элемент (гласный или согласный звук). Первым примером алфавитного **П.** является греческое, легшее в основу всех европейских систем письменности. Именно с его развитием открывается эпоха западно-европейской цивилизации и в т.ч. начало западно-европейского типа рациональности.

Из самого описания алфавитного **П.** следует, что в рамках лингвистики **П.** понимается с точки зрения его вторичности, производности по отношению к устной речи, поскольку внеписьменное оформление мира предшествует его графической записи (также исторически письменность у народов появляется существенно позже сформировавшегося устного языка). Подобное понимание связано не только с развитием сравнительно молодой науки лингвистики, но имеет длительную историко-философскую ретроспективу, которую лингвисты (в т.ч. *Ф. де Соссюр*) в значительной степени заимствуют. В пределах философской рефлексии вплоть до сер. 19-го века **П.** было принято отводить второстепенную роль. Уже в период античной философии, в первую очередь Платоном, подчеркивался приоритет речи перед **П.**, в силу смысловой замкнутости **П.**, его неспособности дать пояснительный комментарий к самому себе: *«В этом дурная особенность письменности, ... ее порождения стоят, как живые, а спроси их - они величаво и гордо молчат. Что же самое и с*

сочинениями: думаешь, будто они говорят как разумные существа, но если кто спросит о чем-нибудь из того, что они говорят, желая это усвоить, они всегда отвечают одно и то же. Всякое сочинение, однажды записанное, находится в обращении везде... Если им пренебрегают или несправедливо его ругают, оно нуждается в помощи своего отца, само же не способно ни защититься, ни помочь себе» (Платон). Также у Аристотеля, поскольку мышление – есть беседа разума с самим собой, само размышление есть опыт речи и равно условие самоидентичности субъекта (совпадение говорящего и слушающего). Следовательно, мысль напрямую отливает свои идеи в слова, минуя посредничество записи, и даже молчаливая мысль удостоверяет приоритет голоса.

Впервые в наиболее концептуальном виде идею автономии речи и П., при условии первичности и независимости звучащего слова перед написанным, сформулировал Ф. де Соссюр: *«Язык и письмо суть различные системы знаков: единственный смысл второй из них - служить для изображения первой»*. У Соссюра графический знак репрезентирует знак устный, являясь т. о. «знаком знака». Всякий язык, т.о. понимается как устный язык, сущность которого остается независимой от системы П., принятой в его пределах. Соответственно, *«предметом лингвистики является не слово звучащее и слово графическое в их совокупности, а исключительно звучащее слово»* (Соссюр).

Ключевым аргументом в этом истолковании выступает не только отсылка к фактической стороне дела – возникновению и функционированию языков, но и знаменитая двухкомпонентная теория знака Соссюра, согласно которой всякий знак существует как единство акустического образа (*означающего*) и понятия (*означаемого*), и в этом смысле всякий знак изначально дан как устный (звучащий). Т.о. знак (слово) есть результат некоей изначальной связи между мыслью и звуком (голосом) (именно этой связке Ж. Деррида даст в последующем имя «Логофоноцентризма», имея в виду доминирующую роль устного/фонетического слова/логоса перед записью). П. в свою очередь, всегда следует вторым шагом и выступает ничем иным как простым графическим обозначением наличествующей между словом и понятием неразрывной связи. Напр. знание того, как записать слово «стол» будет иметь смысл только после того, как это слово будет устойчиво отсылать к понятию «стол» в сознании конкретного носителя языка. Однако понимание, т.е. способность установить эту связь, совершенно не зависит от знания того, как пишется слово «стол». Т.о. сущность П. ограничивается следующим набором

функций: **1.** оно репрезентативно по отношению к слову и **2.** долговременно в отличие от мгновенного потребления устной речи. Звучащая речь (голос), т.о. выступает внутренним отношением знака и значения, в то время как **П.** – внешним.

Непосредственно философская проблематизация **П.** связана с именем *Ж. Деррида*, а именно его программой *деконструкции* принятой в лингвистике модели. Главный механизм и технология этой программы заключается в основном в обнаружении тех противоречий, которые не только сохраняются в соссюрской модели толкования **П.**, но и служат условием ее возможности. При этом, по мнению Деррида, при определенной технике прочтения открывается, что уже в самой лингвистике заложены основания для будущего проекта грамматиологии – дисциплины, которая должна положить начало адекватному изучению **П.** Прежде чем перейти к скрытым в соссюрской концепции **П.** противоречиям, Деррида обнаруживает ряд фундаментальных предпосылок, на которых основана возможность лингвистического истолкования сущности **П.**

Первая и основная предпосылка состоит в принципиальной фонологичности того **П.**, которое укладывается в теорию Соссюра, в то время как идеографическое **П.** в нее уже не вписывается. Это исключение не было бы проблематическим, если бы Соссюр не настаивал на универсальности своей теории, иными словами ее релевантности для всех типов **П.** Однако в этом случае идеографическое **П.** следует признать не настоящим **П.** В основание, по которому Соссюр объединяет два этих вида **П.** кладется, как отмечает Деррида, как раз один из ключевых отличительных признаков фонетического знака, а именно его произвольность. В рамках фонетического **П.** звук, как известно, всегда является произвольно (случайно) установленным: слово или звуко сочетание «стол» не имеет ни звукоподражательной, ни символической (образной) связи с понятием «стол». Однако в случае иероглифического **П.** это правило срывает уже не всегда, в то время как в отношении пиктографического или символического **П.** оно не работает совсем. Т. о. семиотическая система Соссюра исключает знаковый символизм, весьма существенный во многих культурах, и концепция **П.**, сформулированная в рамках лингвистики имеет серьезные ограничения.

Следующая предпосылка, одновременно выступающая некоей трудностью, к которой обращается также сам Соссюр, состоит в том, что, несмотря на декларируемую вторичность **П.** по отношению к системе языка, **П.** в состоянии воздействовать на язык изнутри, трансформируя его и модифицируя, благодаря

изменчивости правил и норм письменности. Т.о. П. имеет обратное воздействие на язык, что не вполне соответствует принципу «вторичности» П. Кроме того, почти ни в одном языке не выполняется декларируемый идеал фонетического П.- «пишется как слышится». Признавая эту «непокорность» П. Соссюр, вслед за классической традицией истолкования письменности как вторичной и производной системы, обращает внимание на «опасность» диктата П., заслоняющего первородство устной речи. В конечном итоге, говорит он, правила письменного синтаксиса и орфографии, не удерживают своей локализации в пределах одной лишь письменной лексики, проникают в устную речь и размывают непосредственное родство мысли и звука, равно как нарушают первенство голоса. В особенности сложные и богатые системы языка имеют опасную склонность ставить литературное П. на первое место, рассматривая устную речь как несовершенное или попросту сокращенное подобие письменной речи. Эти «поползновения» П. служат поводом для непрестанной бдительности лингвистики перед заповедью не допустить «забвения» устного слова, сохранив в вечной памяти одну из фундаментальных интуиций европейской культуры – «вначале было Слово». Этот проект довольно быстро наталкивается на вполне определенные трудности, о которых говорит сам Соссюр и на что специально обращает внимание Деррида: *"Надо как можно скорее заменить искусственное естественным, но это невозможно, потому что звуки языка изучены плохо; освобождённые от графических изображений звуки представляются нам чем-то весьма неопределённым: возникает соблазн предпочесть - пусть обманчивую - опору графики"* (Соссюр). Последнее замечание заставляет Соссюра выразить опасение, в том, что буква может заслонить первенство звука, представив дело так, что звуки лишь озвучивают буквы. В конечном итоге, если означающее означающего (П.) может влиять на означаемое (речь), тогда, вполне вероятно, что первично и автономно не означаемое, а означающее, что абсолютно неприемлемо для подавляющего числа лингвистов.

Таковы общие положения лингвистической теории П., которые вкупе с классической традицией философии достаточно враждебно настроены к П., чтобы возбудить вначале недоумение, а потом и подозрение. Два этих мотива предвещают исследовательскую тактику Ж. Деррида («De la Grammatologie»/«Нечто, относящееся к грамматологии», «Письмо и различие»).

Первое противоречие классической (соссюровской) лингвистической модели П., на которое указывает Деррида, вытекает уже из одних дефиниций. Поскольку по

определению всякий знак образован произвольной, никак естественно немотивированной связью между означающим и означаемым, то определение письменного знака как образа, подобия акустического знака подпадает под элементарное противоречие. Если знак принципиально не может быть образом, то неясно, почему **П.** интерпретируется как система знаков, находящаяся в отношении подобия с устной речью. Т.о. если соссюроевское определение **П.** как естественного символа знака верно, то его невозможно согласовать с другим соссюроевским определением **П.** как «знака знака», поскольку **П.** вообще перестает быть знаковой системой, а графический объект перестает быть знаком. Если же определение знака как произвольного верно, то следует признать радикальный разрыв между системами **П.** и устной речи, и отказаться от истолкования **П.** как образа речи. В итоге обнаруживается первая трудность соссюроевской лингвистики: противоречие между двумя ее базовыми тезисами о **1.** произвольности знака и **2.** вторичности **П.**, поскольку, как справедливо отмечает Деррида, произвольные знаки, по определению, не могут быть вторичными.

Вторая трудность касается самой природы фонетического **П.**, которое при внимательном рассмотрении предстает неким утопическим, но никогда не реализуемым идеалом. Определение фонетического **П.** как точной копии, отображения устной речи остается декларативным и не выполнимым, поскольку на практике **П.** демонстрирует автономию орфографических, пунктуационных и стилистических правил. Даже в простейшем режиме записи за говорящим, **П.** уклоняется от оригинала, следуя орфографическим требованиям (напр. в орфографии отсутствует графема, отображающая смысловые ударения речи, а в речи отсутствует фонема, соответствующая области пробела в тексте). В конечном итоге проговариваемое про себя или вслух не выливается на бумагу в фотографическом исполнении, но скорее находится с записью в неких проблематических отношениях, когда одно выражается через другое (**П.** через речь и речь через **П.**). Наконец, **П.** зачастую избыточно по отношению к речи.

Исходя из этих замечаний, можно не согласиться, по меньшей мере, с двумя положениями соссюроевской лингвистики: **1.** о сугубо внешней роли **П.** и **2.** о его символической/образной репрезентативности по отношению к языку.

Следовательно, **П.** следует мыслить если и несовпадающим с речью, то, все же, как внутреннее речи, как то, что с самого начала присуще языку.

Чтобы прояснить как это возможно, Деррида обращается к способам, которыми задается П. и речь в лингвистике, из чего следует, что эти способы идентичны. В речи главным отношением между звуками является их различие, которое, по сути, и создает их как отдельные звуки. На означаемом уровне распознавание звуков происходит в том случае, если они позволяют различать конкретные словарные единицы (напр. звук «о» позволяет отличить слово «стол» от слова «стул»). Любопытно, что носители разных языков не улавливают на слух те звуки, которые не играют никакой роли в словообразовании их родных языков. Более часто встречающимся фактом является примеры из обиходной речевой практики, когда самое разное вокалическое или интонационное исполнение звука не является помехой для его распознавания на слух. Один и тот же звук может произноситься по-разному; возможность его распознавания связана с единственным требованием – звуки не должны быть перепутаны. Однако те же самые правила функционирования справедливы и в отношении П. Значимость букв также лишена позитивного содержания, она сугубо отрицательна, т.е. устанавливается в зависимости от расположения в дифференциальной системе письменных знаков. Особенности индивидуальных почерков не искажают сути П. – искажение наступает только в случае, если одна буква написана (использована) вместо другой – в этом случае искажение опознается как орфографическая или иная ошибка. Помимо этих совпадений существуют еще, по меньшей мере, один общий для П. и речи признак: знаки П. также как и устные знаки совершенно произвольны, т.к. нет никакой причинной связи между буквой и звуком, ею изображаемым. Т.о. в П. также как и в речи нет ничего кроме различий. Тогда если у П. и речи – одна сущность, то речь всегда уже содержит в себе П., и ее можно представить следствием или разновидностью П. Чтобы уяснить эту почти немислимую идею, следует принять во внимание ряд уточнений.

В конечном итоге Деррида указывает на главное противоречие классической лингвистики, не позволяющей Соссюру сохранить последовательность в вопросе приоритета и предшествования устного звука (языка) графическому знаку (П.). Оно состоит как ни странно в центральном постулате лингвистики – об исключительно дифференцированном характере системы языка. Ведь дифференциальность сама по себе лишена материально-чувственного содержания – значение устанавливается не по сопричастности к чувственно данному миру материальных предметов, а по сопричастности к системе знаков. Но при таком условии невозможным оказывается принцип изначального родства между звуком и понятием (словом и предметом). И

т.о. два фундаментальных положения классической лингвистики остаются несогласованными.

Из этого пробела Деррида предлагает сделать вывод об иллюзорности естественно-фонетической связи между словом и значением и неверности толкования **П.** как «знака знака». Поскольку то единственное, что позволяет существовать и речи и **П.** – внутрисистемные различия – не является ни предметным, ни чувственно воспринимаемым, то оно является доакустическим и дографическим условием возможности появления любых знаковых систем. Именно оно представляет собой проблемное поле и в первом приближении может быть определено как движение различения или процесс движения самого знака.

Это движение различения, т.е. означение как таковое, Деррида готов объявить самим **П.**, но в силу искажения смысла **П.**, произошедшего внутри классической традиции, прибегает к иному концепту – «архэ-**П.**» (*“arche-écriture”*) (прото-**П.**). Снятие оппозиции «**П.**- речь» в пользу **П.** связано исключительно с подавлением той исходной природы языка, который был репрессирован в **П.**, под видом своего «иног». Если бы этого вытеснения не случилось, мы могли бы беспрепятственно пользоваться и термином «речь». «Архэ-**П.**» должно подвергнуть *деконструкции* классическое понятие **П.**, т.е. освободить его от узко-классического смысла, не позволяющего его не только ввести в область языка, но и толковать как то, что шире самого языка.

«Архэ-**П.**» содержит в себе два фундаментальных свойства процесса означения. Оно, во-первых, не связано с метафизикой присутствия – наивной верой в самоданность, самопредъявление означаемого в момент, когда оно означается, а, во-вторых, оно в той мере начертательно, в какой сами различия могут быть увидены, но не услышаны (напр. в словах «освящать» и «освещать» смыслообразующий звук, будучи неразличимым на слух, различается на **П.**) (см. *Differance*). Если второй аспект напрямую связан с отказом от идей логофоцентризма, то первый апеллирует к отказу от поиска значений вне системы языка – трансцендентальных (трансцендентных) означаемых. В классической философской и лингвистической традициях считалось, что несмотря на внутри-референциальный характер языка, всякая процедура означения имеет логический предел – в виде самой реальности, предъявляющей окончательные смыслы или вещи, к которым нас рано или поздно приведет язык. Наличие этих окончательных пунктов прибытия необходимо, поскольку только реальный мир вещей обеспечивает содержание языка. Поскольку

эта идея входит в противоречие с другой идеей Соссюра о замкнутости системы языка, продуцирующей значения только изнутри самой себя (благодаря операциям сорасчленения и соразличения), то Соссюр решает эту проблему следующим образом. Само значение, т.е. предмет, к которому отсылает знак, может быть найден вне языка, оно может быть внешним (трансцендентальным). Напротив, само означение всегда имманентно языку, оно есть следствие его функционирования. Подобное решение представляется Деррида недостаточно радикальным, поскольку последовательное развитие идеи означения должно привести к полному разрыву с реальным миром вещей. Кроме того, этот разрыв уже осуществлен в **П.** Поскольку согласно европейской традиции, звучащая речь всегда удерживает непосредственную связь с означаемыми, в отличие от графического письма, которое всего лишь обозначает речь, то именно **П.** обнаруживает истинное положение дел – в конечном счете, существует одно только означение – «означающее без означаемого». Трансцендентальное означаемое оказывается фикцией, поскольку идентификация объекта возможна только внутри структуры различий, т.е. в границах, обусловленных самой системой. Означаемое остается таким конституэнтном языка, к которому язык всегда ведет (как к своему внешнему), но никогда не приводит. **П.** не означает речь, оно просто означает и тем хранит и заставляет работать сокровенную тайну языка – неограниченную и самодостаточную возможность означения. В бесконечной сети взаимных отсылок-репрезентаций знак отсылает не к значению, но к другому знаку. Но в этом случае внутри референции не наличность внешнего обеспечивает смысл; референция не есть даже обещание смысла, но скорее само бытие смысла. **П.** производит смысл в качестве своего следствия. **П.** также делает явным неизбежность отчуждения – после того как что-то написано, оно, отделившись от автора, живет своей жизнью. Напротив, звучащая речь создает и сохраняет иллюзию соответствия сказанного тому, что желали сказать, веру во внутреннюю интимную связь мысли и речи. **П.** выдает это несоответствие, отчуждение написанного и присвоение всегда другого в процессе самого **П.**

Однако эта самопроизвольность **П.** есть условие его производительности. В той мере, в какой **П.** должно быть понято как прото-**П.**, речь идет о том, что оно не есть просто запись, но всякая фиксация различий, «все то, что делает возможной запись как таковую». В качестве возможности всякого конкретного **П.**, существует **П.** как таковое. Оно понимается Деррида как сам принцип расчленения, т.е. как условие возможности любой лингвистической системы – записи, артикулированности и

дискурсивности. П. объемлет любую графическую начертательность, не только буквенную, как в первую очередь, возможность изображения. Если бы слово нельзя было записать, его нельзя было бы и сказать. Эта возможность обеспечивается единственным механизмом – внутренней игрой различий, роковым посредничеством знака, при условии бесконечности замещения одного знака другим (в этом смысле сам знак оказывается невозможным, но лишь становлением знаком, См. «След».) Т. о. П. у Деррида выходит за пределы истолкования как материальной фиксации фонетических знаков в виде графических: «Если "П." означает запись и особенно долговременный процесс институирования знаков (а это и является единственным нередуцируемым ядром концепции П.), то тогда П. в целом охватывает всю сферу применения лингвистических знаков. Сама идея институирования, отсюда и произвольность знака, немислимы вне и до горизонта П.» (Derrida).

*Диана Гаспарян*